

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть
недрожащей рукой,
Только так беспощадно,
так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой...

*Александр Вертинский.
То, что я должен сказать. 1917.*

Я держу в руках осколок ушедшей юной жизни. Точнее, не осколок, а огарок. Это записная книжка Сергея Виноградова. Обложка расплавилась, листки еще, кажется, пахнут пеплом. Книжку достали из обгоревшей гимнастерки Сергея.

С трепетом открываю первую страницу. Оттуда смотрит на меня чуть удивленное девичье лицо. Аккуратный карандашный набросок. Какой же мальчишка не влюблен в восемнадцать лет и не мечтает о верной подруге? Наверное, ей, русской красавице с распущенными волосами, посвящены были первые, не сохранившиеся записи в обгоревшей книжке. А может быть, портрет этот — только мальчишеская мечта о настоящей любви, которой еще не было, о далекой родине, куда так хотелось вернуться. Тоска по дому явственно звучит в этих торопливо, неровно написанных строках:

А в родимом краю,
Там сады зацвели,
И тепло на душе
От родимой земли.
Ждите, девушки, нас,
Мама, вытри глаза,
Ведь мы живы еще
И вернемся назад.

Там, в афганском пекле, где “семьдесят градусов выше нуля”, где пыль забивала легкие и соленый пот разъедал глаза, Сергеем часто вспоминалась родная деревенька Пажецкое. Крутой зеленый холм, на котором приютилось несколько домиков. Дремлющая речка внизу. Жаворонок в поле. Теплый пригорок, усыпанный сочной,

спелой земляникой. Тишь в лесу, создающая ощущение нетронутости природы. В этих местах и прошло Сережино детство, короткое и нелегкое.

Когда мальчик был совсем еще маленький, погиб отец. Мать вскоре вышла замуж и перешла жить в дом мужа, забрав с собой младшего сына Виктора. Сережа остался с бабушкой, Людмилой Васильевной Кириковой, за единственного мужчину в доме и помогал ей чем мог. Носил воду, колол дрова. Был для бабушки самым дорогим человеком.

Знал Сережа, с каким нетерпением ждала она его возвращения. Не раз, наверное, видел во сне знакомую фигуру у полуразвалившегося колодца. Медленно черпает старушка воду. (“Колодец-то совсем плохой. Вот придет внук – починит”).

Хороша деревенька Пажецкое, но – заброшенная. Домов-то всего с десяток, до ближайшего населенного пункта – больше трех километров. Уходили из таких “неперспективных” деревень молодые здоровые парни искать лучшей доли. Уехал в город из родного дома и Сергей.

До самого призыва в армию (почти три года) он работал наладчиком в цехе эмалированной посуды на Череповецком металлургическом комбинате. Оттуда в октябре 1980 года уходил на воинскую службу. Обещал вернуться на завод, в свой цех.

В армии у Сергея появилось много хороших, настоящих друзей. В его записной книжке – не один десяток адресов: Ленинград, Новгород, Архангельск, Воронеж, Харьковская область, Казахстан. Крепко сдружила ребят армейская служба. Они мечтали встретиться и на гражданке. Каждый записал место и время будущих встреч. Они намечались в Ленинграде и Череповце. И как знать, может, не только Сергея Виноградова недосчитались друзья.

Первые три месяца Сережа писал домой из города Тахла-Таш Каракалпакской АССР, где новобранцев готовили для участия в военных действиях на территории Афганистана. Как относился Сергей к предстоящему испытанию? Однозначно: как к святому долгу перед Родиной. Его записная книжка хранит наивные по-детски слова:

Для чего ты пошел воевать в ДРА?
Чтобы мама в Союзе спокойно спала.

И вот рядовой Виноградов в Джелалабаде, совсем рядом с пакистанской границей. Вооруженные отряды оппозиции с самого начала боевых действий намеревались захватить этот город, чтобы сделать Джелалабад своей опорной базой. В июне 1981 года в районе Джелалабада разгорелись ожесточенные бои с моджахедами.

Читаю в записной книжке:

Вот прозвучал таинственный набат,
Мы в три минуты покидаем роту,
Ведь мы сейчас легим в Джелалабад,
Как будто так и надо, на работу.

Записная книжка Сергея Виноградова позволяет отчасти проследить, как непросто было нашим солдатам осознать смысл войны, совмещать такие понятия, как верность воинскому долгу и обязанность выполнять его с оружием в руках на чужой земле:

В тумане звезд уходит батальон
В заранее намеченную базу,
А нас сюда солдатский долг зовет,
Нас всех сюда прислали по приказу...

Ни Сергей, ни многие другие парни, сложившие голову в Афганистане, не нашли ответа на вопрос – “зачем?” А тысячи матерей получили маленькие страшные бланки – похоронки со словами: “погиб, выполняя интернациональный долг...” Они стали получать их чуть ли не с первых дней этой войны...

Из окон бьет нам в спину автомат,
И одного парнишки уже нету.

Чего же нам, ребята, еще ждать?
Взять автомат, гранаты – и в атаку?
Но был приказ: “Пока не убивать!
С афганцами не ввязываться в драку!”

Эти стихи Сергей записал в свою книжку, когда война в Афганистане уже шла вовсю. И сам он погиб в бою. Вот краткая справка о гибели Сергея Виноградова (это все, чем располагает военный комиссариат): “21 июня 1981 года, действуя в составе отряда обеспечения движения, отделение саперов обеспечивало продвижение подразделения вперед. Разведка дороги велась под огнем мятежников. Рядовой Виноградов выполнял боевую задачу

смело и решительно. Он обнаружил и обезвредил 2 противотанковые мины, чем обеспечил успешное продвижение батальона. В дальнейшем, выполняя инженерные задачи, танк, на котором находился рядовой Виноградов, подорвался на mine и загорелся. Рядовой Виноградов погиб, спасая своих товарищей из горящего танка, в районе города Джелалабада. Награжден орденом Красной Звезды (посмертно)».

А он совсем не хотел умирать, юный владелец записной книжки. Держать ее в руке – все равно что держать маленькую птицу, ощущая в ладони, как внутри бьется что-то живое. Отдать бы ее надо было не в музей, нет. А каждое утро показывать тем “вершителям судеб”, которые “так беспощадно, так зло и ненужно опустили их в Вечный Покой...”

С.Карпов